

— ... Пожалуйста, не мешайте мне больше. Если будете продолжать меня преследовать, я... я вызову полицию, — прошептал Кан Янь, опустив голову.

Фань Сымин, увидев номер комнаты от приятеля, улыбнулся, убрал телефон и лениво протянул:

— Полицию? А что я тебе сделал? Полиция этим занимается? Давай, вызывай. Пусть и на твоей работе, и в институте узнают, что я такой?

Кан Янь надеялся, что такие слова заставят собеседника понять — он не хочет находиться под таким контролем. Не ожидал, что тот отреагирует насмешкой и будет совершенно бесстрашен. Он не знал, занимается ли государство по закону такими делами, но, видя самоуверенность Фань Сымина, понял — скорее всего, нет.

Что же ему делать?

Кан Янь почувствовал, как руки и ноги леденеют, охваченный паникой и растерянностью.

Фань Сымин имел богатый опыт в таких делах, особенно с подобными деревенскими простачками, только что приехавшими в Пекин и не видевшими жизни. Наивные, доверчивые. После игры можно сделать откровенные снимки, на следующий день дать немного денег, пригрозить фотографиями, действовать и кнутом, и пряником. Никто ещё не обращался в полицию.

— Испугался? И зачем ты тут со мной шутики шутишь, — Фань Сымин начал терять терпение от ожидания. Почему таблетка до сих пор не подействовала? Уставившись на лицо Кан Яня, он продолжил болтать ерунду:

— Я просто увидел, какой ты милый. У меня нет младшего брата, вот и подумал взять тебя в братья, повсюду с собой водить. А у тебя какие-то нечистые мысли. О чём ты думаешь? Разве я могу тебя заставить?

Пасынок от мачехи не в счёт. А что касается принуждения... как только подействует таблетка, только Кан Янь будет его умолять.

Кан Янь начал чувствовать жар во всём теле, в горле пересохло. Он сглотнул и кивнул:

— Я ошибся насчёт вас, господин Фань. Я пришёл сегодня, чтобы попросить вас больше не беспокоить меня в институте. Мне не нужен брат, мне и так хорошо.

Жар нарастал. Ещё недавно он замерзал, а теперь... неужели температура?

Фань Сымин увидел, как глаза Кан Яня наполнились влагой, щёки покраснели, краснота поползла ниже по шее. Жаль, одежда мешает видеть. Ещё немного — и молочно-белая кожа точно станет розовой. Действие таблетки началось...

— Тебе плохо? Пойдём, я тебя в сторонке устрою. Стоять тут — не дело.

Фань Сымин протянул руку, чтобы поддержать Кан Яня.

Кан Яню становилось всё жарче, он инстинктивно отпрянул. Бутылка с водой выпала у него из рук и с грохотом разбилась о землю, стекло разлетелось, вода растеклась. Звук был громким, привлёк внимание окружающих. Фань Сымин тут же обернулся и наорал:

— Чё устались, блядь? Никогда не видели, как два мужика ссорятся?

Частые посетители ночных клубов и не такое видели — очередная ссора парочки геев. Кто мог, разошёлся.

Во всём теле появилась слабость, силы покидали. Кан Янь наконец понял, что дело не в температуре. Взглянув на осколки стекла на земле, он мгновенно всё осознал. Щёки горели, но голова прояснилась. Он открыл рот и хриплым голосом попросил помощи у окружающих:

— Спасите меня! Я его не знаю!

— Отпустите! Не трогайте меня!

Фань Сымин не собирался отпускать уже почти пойманную дичь. Он весело ухмыльнулся и сказал окружающим:

— Мой возлюбленный дуется на меня. Всё хорошо, дорогой. Говоришь, не знаешь меня? Ты же только что по имени назвал. До чего ты допился? Бежим скорее домой, дома всё обсудим.

Двое подошедших было людей услышали это и в нерешительности остановились.

Кан Яня тянул за собой Фань Сымин. В этот момент, несмотря на жар во всём теле, в его глазах отразилась глубокая безнадёжность, словно его с головой окатили ведром ледяной воды. Но тело по-прежнему горело, конечности были слабыми и безвольными. Нельзя идти с Фань Сымином! Нельзя позволить себя увести...

Увидев, как Кан Янь присел на корточки, Фань Сымин понял — тот уже обессилел. Ещё немного — и сознание помутнеет, всё тело станет влажным и податливым, как тесто. Тогда можно будет играть с ним как угодно. Он протянул руку, намереваясь подхватить Кан Яня с земли, но внезапно почувствовал чью-то ладонь на своём плече. Не оборачиваясь, Фань Сымин рявкнул:

— Ослеп, что ли? Я со сво... Ай, больно!

— С какой своей? У нас с тобой что-то было?

Пришедший ловко скрутил Фань Сымину обе руки за спину. Увидев, что тот пытается встать, пнул его под колено. Фань Сымин от внезапной резкой боли пошатнулся и рухнул на колени. Пришедший сказал:

— Ну давай, поговорим по душам.

Другой человек подошёл, взглянул на присевшего Кан Яня и обернулся:

— Босс, господина Кана подпоили.

Это был Лао Кай. А тем, кого он называл боссом, стоявшим рядом, был Дуань Цифэн.

На нём было длинное чёрное пальто, лицо суровое, во взгляде — ледяной холод.

— В машину.

Лао Кай подошёл, чтобы помочь Кан Яню подняться. Тот отмахнулся, поднял голову. Лицо пылало, голос был хриплым, взгляд ясным, упрямым и полным безнадёжного отчаяния, словно

он готов был пойти ко дну вместе с обидчиком.

— Не трогайте меня!

Только теперь Лао Кай заметил, что в руке у Кан Яня зажат осколок стекла — видимо, от разбитой бутылки. Ладонь была белой, из неё сочилась кровь. Он не решился подойти ближе, оглянулся на Дуань Цифэна в ожидании указаний. Тот ничего не сказал, подошёл и одним движением выхватил у Кан Яня осколок. Без лишних слов он с силой притянул Кан Яня к себе. Тот отчаянно сопротивлялся. Дуань Цифэн одной рукой сжал ему подбородок, встретился с его полным отчаяния и страха взглядом и холодно произнёс:

— Это я.

Глаза Кан Яня покраснели от жара, на них выступили слёзы. Непонятно, узнал ли он кого-то. Весь его вид выражал отчаяние человека, покинутого всем миром.

Ледяное выражение лица Дуань Цифэна смягчилось. Он отпустил подбородок Кан Яня и сказал:

— Отвезу тебя в больницу. Поверь мне.

— Босс, у этого типа в кармане нашли вот это.

Человек, удерживавший Фань Сымина, протянул синий пакетик с расфасованными гранулами, их было ещё несколько.

Взгляд Дуань Цифэна стал холодным, как ледяной клинок. Он скользнул по пакету и сказал:

— Оставь одну, остальные скорми ему.

— Есть!

Лао Кай, видя, как босс держит на руках ослабевшего Кан Яня, как подчинённый, конечно, вызвался:

— Босс, может, мне помочь?

Дуань Цифэн взглянул на Лао Кая. Тому показалось, что взгляд начальника стал ещё холоднее. Он не стал настаивать, поспешно открыл заднюю дверь, дождался, пока босс с пассажиром устроятся, затем вернулся на место водителя и, выглянув в окно, крикнул:

— Сяо Лю, заканчивай быстрее, нужно в больницу!

Вокруг уже собралась кучка зевак, но, помня ловкость, с которой Сяо Лю скрутил того типа, да и по развитию событий опытные поняли, в чём дело. Они смотрели на валявшегося на земле и накормленного таблетками Фань Сымина с отвращением. В барной тусовке больше всего презирают именно таких убудков, играющих грязно и подсыпающих в напитки.

Сяо Лю отряхнул руки и сел на пассажирское сиденье.

Лао Кай повёз в ближайшую больницу. Сяо Лю был моложе, не таким степенным, как Лао Кай, но очень ловким. Теперь он украдкой поглядывал в зеркало заднего вида на заднее сиденье. Этот господин Кан и вправду красив, даже краше тех знаменитостей, которых он видел. Нежное, будто вырезанное из яшмы, лицо порозовело. Неудивительно, что даже босс, который

годами не обращал внимания ни на женщин, ни на мужчин и почти стал старым холостяком, проникся... Внезапно ему стало холодно. Сяо Лю встретился взглядом с боссом и поспешно отвёл глаза.

* * *

Заднее сиденье.

— Жарко, так жарко.

Голос Кан Яня был хриплым, он обеими руками теревил одежду, раненой рукой словно не чувствуя боли.

Лицо Дуань Цифэна оставалось холодным. Взгляд скользнул по окровавленной руке Кан Яня, продолжавшей пачкать одежду. Он отрывисто бросил:

— Не двигайся.

— Жарко... — бормотал Кан Янь, не в силах усидеть на месте, ёрзая. Не найдя молнию, он в отчаянии стал стаскивать одежду с ворота. — Тя-тяжело...

Брови Дуань Цифэна сдвинулись, лицо стало ещё мрачнее. Сидевший за рулём Лао Кай понял: босс раздражён, что господин Кан не слушается, наверное, сейчас отчитает. Ему очень хотелось сказать, что господин Кан под воздействием той самой таблетки, ему сейчас очень плохо, он не соображает. Но, вспомнив взгляд босса, брошенный на него ранее, Лао Кай промолчал, боясь получить нагоняй за лишние слова.

Пусть потерпит, с жаром не умрёт, скоро в больницу будем. Подумал Лао Кай.

— Выключи кондиционер. Окна открой.

Услышав это, Лао Кай опустил все стёкла. Зимний воздух ворвался в салон, промораживая до костей. Прошло некоторое время, с заднего сиденья не доносилось ни звука. Лао Кай украдкой глянул в зеркало заднего вида и чуть не выпустил руль от ужаса.

Босс перевязывал окровавленную руку господина Кана носовым платком.

Проработав на босса четыре года, Лао Кай не мог сказать, что полностью изучил характер Дуань Цифэна, но кое-что понимал: человек он холодный, целомудренный — за четыре года ни разу не видел, чтобы он с кем-то встречался, не то что так за кем-то ухаживал.

— Не дёргайся.

В голосе Дуань Цифэна звучала холодная нетерпимость, он был недоволен, что Кан Янь продолжает ёрзать и тереться ногами, и даже прижал его ногу своей. Но при этом его движения, перевязывающие рану, были удивительно мягкими. Из-за резко упавшей температуры в салоне Кан Яню стало немного легче, но телесное желание не находило выхода, глаза налились кровью. Он, ослабев, прислонился к Дуань Цифэну и хрипло прошептал:

— Жарко... пить...

Голос был мягким, томным, полным страсти.

<http://bllate.org/book/15594/1390298>